

Humanitas

Арам Асоян

Данте в русской культуре

Humanitas

Арам Асоян

Данте в русской культуре

«ЦГИ Принт»

2015

ББК 80/81

Асоян А. А.

Данте в русской культуре / А. А. Асоян — «ЦГИ Принт»,
2015 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-210-5

Монография посвящена изучению смыслопорождающей рецепции «Божественной комедии» художественным, художественно-критическим и художественно-философским сознанием русских писателей XIX – начала XX в. В центре внимания автора филиация дантовских мотивов в русской литературе и типологические связи русской классики с образной системой «Комедии», её этико-идеологическим универсумом. Автор отмечает, что освоение дантовского наследия русским художественным сознанием оказалось благодатно не только для русской, но и для мировой культуры, а русский контекст расширил представление об уникальном вкладе Данте в самопознание европейского человека. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

ББК 80/81

ISBN 978-5-98712-210-5

© Асоян А. А., 2015

© ЦГИ Принт, 2015

Содержание

Введение. «Центральный человек мира»	6
Глава 1. «... Вековые складки дантовских терцин» («Божественная комедия» в русских библиотеках)	8
Глава 2. Данте и русский романтизм	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Арам Асоян

Данте в русской культуре

- © С. Я. Левит составление серии, 2015
© А. А. Асоян, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015
® Университетская книга, 2015

* * *

Часто от этих величайших учителей отрекаются; восстают против них; перечисляют их недостатки, обвиняют их в скучности, длиннотах, странностях, дурном вкусе, при этом обкрадывая их и украшая себя похищенными у них трофеями; но попытки свергнуть ихργο тщетны. Все окрашено в их цвета, повсюду заметно их влияние: изобретенные ими слова и имена обогащают словари всех народов, их высказывания становятся пословицами, вымышленные ими персонажи обретают жизнь, обзаваются наследниками и потомством. Они открывают новые горизонты, и лучи света брызжут из тьмы; из посеянных ими идей вырастают тысячи других; они даруют образы, сюжеты, стили всем искусствам: их произведения – неисчерпаемый источник, самые недра разума человечества.

Рене Шатобриан

Введение. «Центральный человек мира»

В сознании миллионов читателей Данте прежде всего автор «Божественной комедии». Знатоки его творчества по праву называют эту поэму патриотической библией итальянской нации. Ни одному поэту Нового времени не удалось, кажется, в столь полной и законченной форме выразить в своем произведении дух целого народа, его поэтическую и религиозную жизнь, веру и богатейший свод знаний своей эпохи.

«Божественная комедия» невелика по объему. В ряду шедевров мировой литературы, таких, как «Илиада» Гомера или «Фауст» Гёте, дантовская поэма удивительно лаконична. И тем не менее на ее страницах мы найдем всеобъемлющий образ человеческой души, ее страстей и драматических испытаний. Он уникален и, конечно, не прост. Временами мысль Данте так далеко уносилась в мир причудливых видений, что поэт был вынужден предостерегать:

О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим,
Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйте водному простору!
Как бы,отстав, не потеряться вам!
Здесь не бывал никто по эту пору...¹

Иногда приходится слышать и читать, что «Божественная комедия» менее доступна, чем гомеровский эпос, хотя она на два тысячелетия ближе к нам. Но власть поэтического гения Данте такова, что перед ней рушатся самые высокомерные предубеждения и преграды, возведенные отошедшими столетиями.

Еще при жизни автора поэма стяжала необыкновенную славу. После смерти поэта ее популярность то угасала, то снова росла. В 1373 г. в родном городе Данте были созданы публичные кафедры для объяснения поэмы. Первую из них занял Дж. Боккаччо. Примеру Флоренции последовали Болонья, Пиза, Венеция, Пьяченца... Вскоре слава поэта шагнула за пределы Италии и начала завоевывать европейский мир. Впервые «Комедия» сошла с типографского станка в Фолиньо в 1472 г., через два года была отпечатана в Риме, а в 1481 г. увидело свет флорентийское издание поэмы, ставшее знаменитым благодаря иллюстрациям Сандро Боттичелли. К этому времени уже существовали переводы «Комедии» на латинский и испанский языки. В Испании Данте очень скоро стал одним из самых читаемых иностранных поэтов. Правда, в XVI столетии инквизиция сделала немало, чтобы уронить престиж «Божественной комедии», но ценители и восхищенные читатели поэмы не исчезали и в самые неблагоприятные для нее времена. К ним принадлежал Томмазо Кампанелла, страстный проповедник и великий утопист. Он считал Данте своим учителем и курил ему фимиам, как библейским поэтам Давиду и Соломону.

В следующем веке высокая репутация «Комедии» была поддержана Дж. Мильтоном. Наследник английской литературы Возрождения, он стал создателем огромной религиозно-философской поэмы «Потерянный рай». Живописным и мрачным изображением воинства Сатаны она напоминала «Ад» и своими признанными достоинствами свидетельствовала о плодотворности дантовской традиции. Милтон воспитывал свой гений на бессмертной поэме Данте, и влияние «Божественной комедии» сказалось почти на всех его сочинениях.

¹ Здесь и далее перевод «Божественной комедии» М. Лозинского, кроме специально оговоренных случаев.

XVIII век нередко сравнивали с площадью в Комедии дель арте, где непрестанно скрещивали шпаги сторонники и противники Данте. Эпоха Просвещения с ее рационализмом, секуляризацией культуры, тоской по классическому искусству греков и их мирозерцанию порой весьма пристрастно судила о произведениях Средневековья. Печально известны «Вергилиевы письма» профессора изящной литературы Саверио Беттинелли. Автор полагал, что у Данте была великая душа, но в искусстве он ничего не смыслил, «Комедию» читать невозможно, стиль ее груб, а рифма чудовищна. Защищая дантовскую поэму, соотечественник Беттинелли поэт Витторио Альфьери заявлял: «Семнадцатый век бредил, шестнадцатый болтал, пятнадцатый делал грамматические ошибки, а четырнадцатый говорил».

К концу столетия антидантовские бастионы пали даже во Франции, где долгое время их отстаивал Вольтер. Лучшим дантологом века был признан парижский профессор де Клерфон. Вместе с прозаическим переводом «Ада» он опубликовал «Жизнь Данте Алигьери» и на страницах этого издания сравнил «Комедию» с готическим храмом Средних веков. В Германии событием в немецкой литературе стал перевод всех частей поэмы Лебрехтом Бахеншванцем. Его «Ад» в прозе был раскуплен в несколько месяцев – для продажи подобных изданий неслыханный срок. Терцинами переводил Данте иенский романтик Август Шлегель. Он прекрасно разбирался в ее стилистических особенностях, глубоко чувствовал поэзию и *сумел* дать замечательные по выразительности образцы перевода из всех трех кантик поэмы, «Новой жизни» и канцон поэта. Благодаря его опытам Германия впервые по-настоящему открыла для себя Данте.

Романтики возродили живой читательский интерес к «Божественной комедии». Начало нового столетия ознаменовалось мощным приливом внимания к творчеству Данте. По уверению швейцарского дантолога Дж. Скартаццини, ни одно словесное произведение, даже Библия, не переводилось в XIX веке так часто, как «Божественная Комедия». Ее популярности немало способствовала немецкая дантология. В 30–40-е годы она отняла пальму первенства у итальянских ученых и вышла на передовые рубежи. Штудии К. Витте, Филалета, А. Копиша, Ф. Вегеле были известны всей Европе и за ее пределами. К концу столетия «Божественную комедию» читали уже на двадцати языках: французском и каталонском, голландском и немецком, английском и датском, санскрите и еврейском, армянском и словенском, португальском и чешском, румынском и польском, греческом и венгерском, русском и шведском, латыни и испанском. Интерес к Данте стал столь многонационален и глубок, что английский искусствовед Дж. Рёскин назвал великого тосканца «центральной фигурой мира».

Глава 1. «... Вековые складки дантовских терцин» («Божественная комедия» в русских библиотеках)

В истории знакомства русских читателей с «Комедией» Данте особая страница принадлежит предприимчивой акции некоего венецианца графа де Сиснероса. В 1757 г. он предпринял издание поэмы с посвящением императрице Елизавете Петровне. От лица Данте Сапатаде Сиснерос писал:

Избегая ненависти жестокого города,
ежечасно готовый к ударам судьбы,
этрусский поэт смиренно идет к Вам,
о царственная донна, чтобы снискать милости.

Долго по нехоженным путям
он бродил по горячим пескам Стикса,
но ему не был закрыт и Вечного Добра
путь в небесах по благословенным тропам.

После долгого пути, наконец, ища
отдыха своим горестным и несчастным дням,
возлагает свою суровую лиру к Вашему Трону.

Пусть будет так, что, желая
вернуться к своему мэтру, он услышит
на другом языке звук Ваших похвал²

Видимо, автор, присвоив титул графа³, рассчитывал на благосклонность русской царицы и место стихотворца при ее дворе. Так в Северной Пальмире оказался роскошный экземпляр «Божественной комедии»: текст поэмы был перепечатан с великолепного падуанского издания 1726–1727 гг.

Казалось, что дар де Сиснероса – первая ласточка, возвестившая о проникновении Данте в Россию. Но недавняя публикация материалов о вятской библиотеке друга Феофана Прокоповича Лаврентия Горки (ум. около 1737 г.) изменила сложившиеся представления. У Горки хранилось самое старинное издание «Комедии», отмеченное в собраниях русских книжников. По своей ценности антикварный фолиант, отпечатанный в Венеции в 1536 г.⁴, уступал лишь пергаментному списку дантовской поэмы, которым обладал директор Эрмитажа, страстный библиофил, военный историк граф Д. П. Бутурлин (1763–1829). На переплете манускрипта, датированного XIV веком, сиял золотой герб маркизов Маласпина, а правка текста принадлежала, по преданию, самому Данте. В 1839 г. пергаментный список вместе с другими древними

² Перевод С. Я. Сомовой.

³ См.: *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Данте в России // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1970. С. 6–62. См. также: *Лебедева Е. Д.* Первые переводы «Божественной комедии» Данте: Россия, Англия, Америка. АКД. М.: Литер, ин-т им. А. М. Горького, 1996.

⁴ См.: *Луппов С. П.* Библиотека Лаврентия Горки // *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л.: Наука, 1976. С. 21 А–216.

рукописями и старопечатными книгами из библиотеки графа был продан с публичного торга в Париже⁵.

Современник Д. П. Бутурлина поэт и просветитель М. Н. Муравьев (1767–1807) считал Данте представительным паролем итальянской литературы, каким Шекспир стал для английской, а Кальдерой – для испанской. Муравьев располагал прозаическим переложением «Ада» на французский язык с параллельным итальянским текстом, примечаниями и биографией Данте. Эта книга вышла в Париже в 1776 г. и пользовалась популярностью во Франции и даже в Италии, хотя и не такой шумной, о какой мечтал ее автор Жюльен Мутоннеде Клерфон (1740–1813)⁶.

Читателем Клерфона был, вероятно, и двоюродный племянник Муравьева К. Н. Батюшков, обязанный своему дяде ранним развитием литературного вкуса. Итальянский язык Батюшков выучил в пансионе И. А. Триполи, владел им в совершенстве и мог по достоинству оценить переложение «Ада» на французский. В одном из зарубежных походов Батюшков приобрел «Inferno» из серии «Biblioteca italiano».

Позднее эта книга, изданная в 1807 г., оказалась у В. А. Жуковского. На ее форзаце осталась надпись: «Константин Батюшков. Куплено в Веймаре ноября 1813 года»⁷.

Кроме экземпляра с батюшковским автографом в библиотеке Жуковского хранятся и другие издания «Божественной комедии». Среди них – перевод Арто де Монтора (1772–1849) в девяти малоформатных томах, вышедших в 1828–1830 гг. в Париже⁸. Опубликованный впервые чуть ли не двадцать лет назад перевод Арто имел солидную репутацию, хотя законодатели изящного вкуса Баланш и Рекамье пренебрежительно отзывались о нем, полагая, что перевод Арто довольно верен, но плох⁹.

Еще одно парижское издание (1829) – двадцать песен «Комедии» в изложении Антони Дешана. Они исполнены александрийскими стихами и похожи на самостоятельные поэмы, сочиненные в подражание Данте, но это не помешало Альфреду де Виньи восторженно откликнуться на них. «Сейчас для меня существует лишь одна книга, – писал он своему товарищу. – Это ваш Данте. Это прекрасное, простое и мужественное произведение...»¹⁰.

В 40-е годы Жуковский приобрел том «Сочинений Данте Алигьери» (1841), в котором напечатаны «Божественная комедия» в переводе А. Бризе и «Новая жизнь» в переложении А. Делеклюза. Немецкие переводы представлены в собрании поэта Карлом Штрекфусом. Его кропотливый труд, увидевший свет в 1824–1826 гг. в Халле (у Жуковского издание 1840 г.), часто переиздавался, хотя критики относились к нему по-разному. Одни порицали переводчика за чрезмерную изысканность стиля, другие считали его стихи превосходными. Аргументы находились у обеих сторон, и спор продолжался до конца столетия.

«Дантеану» в библиотеке Жуковского завершает прозаическое переложение «Ада» (1842) Е. В. Кологривовой, скрывавшейся под псевдонимом Ф. Фан-Дим. Этот первый опыт полного перевода на русский язык приветствовал В. Белинский. Иной была реакция знатока дантовского творчества С. П. Шевырёва. Отмечая грубые промахи переводчицы, он усомнился в знакомстве Кологривовой с подлинником и счел ее работу годной лишь для пояснительного текста к рисункам Джона Флаксмана (1755–1826), которые были помещены в книге.

⁵ См.: Бутурлин М. Д. Записки // Русский архив. 1897. Кн.1. № 4. С. 634.

⁶ См.: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 37–38.

⁷ См.: Библиотека В. А. Жуковского. Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1981. С. 130.

⁸ Это название было в библиотеке А. С. Пушкина. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. М.: Книга, 1988. С. 217.

⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.; Л.: Наука, 1964. С. 114.

¹⁰ Цит. по: Неизданные письма иностранных писателей XVII–XIX веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 254–255.

Словно сотканные из одного оконтуренного света, они стали широко известны после публикации в римском издании «Комедии» 1793 г. и пленили самых авторитетных ценителей, Гёте и Гёйю¹¹.

При мысли о Пушкине и Данте невольно вспоминаются стихи:

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих –
Дух далече улетает.

Стихи сочинены в пору пребывания поэта в армии генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, командира Отдельного кавказского корпуса. Трудно сказать, какой том «Божественной комедии» брал с собой Пушкин в 1829 г., отправляясь на Кавказ, но «ветхим Данте» он, безусловно, мог бы назвать старинное и знаменитое издание поэмы в переводе француза Бальтазара Гранжье, который гордился тем, что первый предоставил соотечественникам счастливую возможность читать всю «Комедию» народном языке. Этот перевод александрийскими стихами, изданный в 1596–1597 гг., был уже четвертой попыткой ввести Данте в мир французской культуры. Предыдущие переложения остались в списках.

Аббат Гранжье недостаточно владел поэтическим ремеслом и некоторые выражения, с которыми не справлялся, оставлял на языке оригинала, и все же его текст в трех отдельных томах был большой ценностью.

В собрании Пушкина сохранилось только два тома этого антикварного издания. Оба в хорошем состоянии, в прекрасном тисненном золотом марокене с золотым обрезами, гравированными титулами и портретом Данте. Переплет явно позднего происхождения, а супер-экслибрис – библиотеки дома Бурбонов.

Еще одно парижское издание поэмы, бывшее собственностью Пушкина, – второй том из собрания сочинений Данте на итальянском языке («Purgatorio», 1823) с комментариями Антонио Буттури. Кроме этой книги («Чистилище»), в которой разрезаны лишь начальные двадцать три страницы, поэт располагал упоминавшимися переводами Арто и Дешана.

Читал ли Пушкин «Комедию» в подлиннике? Среди его знакомых итальянским владели И. А. Крылов и А. А. Шаховской, А. С. Норов и Н. И. Бахтин, С. Е. Раич и Ф. Н. Глинка, А. С. Грибоедов, Д. В. Дашков и С. П. Шевырев... Гоголь считал итальянский своим вторым родным языком¹², а И. И. Козлов главные места из «Божественной комедии» любил читать наизусть¹³. Сам Пушкин «касался», как писала Т. Г. Цявловская, шестнадцати языков: старофранцузского, французского, латинского, испанского, немецкого, итальянского, сербского, английского, турецкого, арабского, польского, церковнославянского, древнерусского, древнегреческого, украинского и древнееврейского. По степени освоения поэтом живых европейских языков вслед за французским, несомненно, шел итальянский. Недаром в библиотеке Пушкина хранится до тридцати итальянских книг. Правда, английских – втрое больше, но известно, что по-английски Пушкин не говорил.

К числу образованнейших читателей дантовской поэмы принадлежал П. Я. Чаадаев. Он имел не только переводы Дешана и Арто, но и лондонское издание «Комедии» 1802 г.

¹¹ См.: Прокофьев В. Н. Гёйя в искусстве романтической эпохи. М.: Искусство, 1986. С. 26.

¹² Гоголь Н. В. Поли. собр. соч.: В 14 т. Т. XL М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 154.

¹³ См.: Жуковский В. А. О стихотворениях И. И. Козлова // Современник. 1840. Т. 18. С. 87–88.

на английском языке¹⁴. Перевод рифмованными стансами сделан ирландским священником Хенри Бойдом и, по мнению его знаменитого соотечественника Т. Б. Маколея, столь же скучен и вял, сколь слог подлинника занимателен и энергичен¹⁵.

Вероятно, сочинения Данте имелись и в собрании еще одного ближайшего друга Пушкина, однокашника Л. С. Пушкина по Благородному пансиону при Главном педагогическом институте, замечательного библиографа и библиофила С. А. Соболевского. В 60-е годы он жил в Москве, его богатейшая библиотека размещалась в доме на Смоленском бульваре. Здесь соседом Соболевского был его давний приятель В. Ф. Одоевский. Он располагал флорентийским, 1857 г., изданием «Комедии» со словарем рифм и обширными комментариями Бруно Вьянки, а также прозаическим переложением поэмы А. Бризе¹⁶.

К Одоевскому, как и Соболевскому, не раз обращался за библиографическими справками Лев Толстой. Работая над романом «Война и мир», он просил князя Одоевского прислать ему «выписку из Данте о несчастной любви»¹⁷. Князь, естественно, откликнулся на просьбу, но беседа француза Пончини с Пьером Безуховым, в которой они вспоминают терцину из пятой песни «Ада», не вошла в окончательный текст романа.

В 1839 г. со станка типографии Московского университета сошла первая кантика дантовской поэмы на итальянском языке. Честь единственного русского издания «Inferno» и примечаний к нему принадлежала университетскому лектору Джузеппе Рубини. В северную страну он приехал по приглашению президента Российской академии наук адмирала А. С. Шишкова и в течение сорока лет увлеченно изучал открывшуюся ему неповторимую культуру. Перед возвращением на родину он в сотрудничестве с профессором Шевырёвым написал для своих соотечественников книгу по истории русской литературы «Storia délia litteratura Russa» (Firenze, 1862), о которой одобрительно отзывался известный филолог и славист И. И. Срезневский.

Университетский томик «Ада» предназначался для студентов и готовился весьма тщательно: текст был перепечатан с падуанского издания «Комедии» 1726–1727 гг., биография одолжена у заслуженного историка итальянской литературы Джироламо Тирабоски, а описание трех сторон запредельного мира сделал сам редактор.

В Санкт-Петербургском университете популяризацией дантовской поэмы с энтузиазмом занимался иммигрант, поэт-импровизатор, лингвист И. А. Джустиниани. Столичные владельцы книжных лавок уверяли, что благодаря его усилиям «Божественная комедия» расходилась в 40-е годы гораздо лучше, чем раньше¹⁸.

В эту пору неожиданной литературной новостью стало уже упомянутое переложение «Ада» Е. В. Кологривовой. Многие критики, принимая во внимание важность первого опыта, отнесли к почину рядовой писательницы сочувственно или, по крайней мере, снисходительно. Единичные суровые приговоры заглушались одобрительными откликами.

Второй перевод «Ада» появился на страницах «Москвитянина» за 1853 год. Его автором оказался врач по образованию Д. Е. Мин. Он занимал кафедру судебной медицины в Московском университете и никогда не мечтал о лаврах профессионального литератора. Впрочем, и в других странах среди переводчиков Данте встречались разные люди: поэты и педантичные профессора, короли и тайные советники, что лишний раз свидетельствует о грандиозном культурном значении дантовской поэмы.

¹⁴ См.: Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева. М.: Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина, 1980. С. 47.

¹⁵ См.: *Маколей Т. Б.* Поли. собр. соч. Т. 3. СПб.: М. О. Вольф, 1862. С. 370.

¹⁶ См.: Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. М.: ГБЛ, 1988. С. 233.

¹⁷ *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. Г 18. М.: Худож. лит-ра, 1984. С. 675.

¹⁸ *Званцов К.* Предназначенная к продаже библиотека // Северная Пчела. 1858. № 253. С. 1065.

Перевод Мина можно было найти во многих частных собраниях и массовых библиотеках. Отдельное издание «Ада» Н. А. Некрасов приветствовал как «замечательное явление 1855 года»¹⁹. Он, как и АН. Островский, не только обратил внимание на новую книгу, но и сразу же приобрел ее²⁰. Вслед за «Адом» Мин опубликовал «Чистилище» (1874) и, наконец, «Рай» (1879). Свой многолетний подвижнический труд переводчик воспринимал как исполнение не столько художнического, сколько гражданского долга. В предисловии к первой части поэмы он писал: «Не страшусь строгого приговора ученой критики, утешая себя мыслью, что я первый решился переложить размером подлинника часть «Божественной Комедии» на русский язык, так способный к воспроизведению всего великого»²¹. Здесь же Мин сообщал, что в своей работе опирался на опыт немецких дантологов и поэтов: К. Витте, А. Вагнера, К. Каннегиссера, а особенно А. Копиша и Филалета.

По общему мнению, Мину удалось сделать лучший дореволюционный перевод поэмы, но и он далек от совершенства. Автор смог передать «лишь часть образов и выражений подлинника, – писал В. Я. Брюсов. – Правда, важнейшее сохранено, но исчезли оттенки мысли, вся сложность речи и длинный ряд отдельных образов. С другой стороны, многое <...> ради рифмы, ради размера добавлено: эти добавления не всегда в стиле Данте и всегда излишни»²². С этой характеристикой совпадает отзыв непревзойденного переводчика «Комедии» М. Л. Лозинского. Он считал, что по стихам Мина «трудно судить о поэтической мощи подлинника»²³.

Интерес к Данте заметно возрос после 600-летнего юбилея поэта в 1865 г. О празднествах в Италии русскую общественность информировали два крупнейших ученых – Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) и Федор Иванович Буслаев (1818–1897).

В дантоведении Веселовский продолжил и обогатил идеи своего учителя, даровитого профессора Московского университета П. Н. Кудрявцева, автора обширной работы о Данте и его времени. В 50-е годы она печаталась в «Отечественных записках». Увлечение Буслаева «Божественной комедией» имело более давнюю историю. Еще первокурсником он ознакомился с диссертацией Шевырёва «Дант и его век», и с тех пор средневековая поэма стала его любимым чтением и предметом кропотливых штудий. В рабочем кабинете Буслаева хранилось пятитомное издание «Божественной комедии», известное под названием «Минерва» и богатое обширными выдержками из различных комментариев к поэме, от самых ранних до позднейших, датированных 20-ми годами XIX столетия. «Минерва» вышла в свет в 1822 г. в Падуде и затем неоднократно перепечатывалась.

В сообщениях из Италии Буслаев рассказывал об удивительной любви итальянцев к своему поэту. Он писал, что во времена австрийского владычества соотечественники Данте, нарушая строжайшие запреты, устраивали тайные собрания для изучения поэмы. Эти толкователи «патриотической библии итальянского народа», сообщал корреспондент, воспитывали в молодой Италии самые благородные чувства: национальную гордость и любовь к истории, искусству, родному языку.

Вскоре после юбилейных празднеств петербургский издатель М. О. Вольф объявил подписку на «Божественную комедию» с иллюстрациями Поставы Доре, которые незадолго до юби-

¹⁹ Некрасов Н. А. Т. 1 // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 49–50. С. 372.

²⁰ См.: Библиотека А. Н. Островского. Л.: Акад. наук СССР, 1963. С. 59. Описание книг из библиотеки Некрасова / Предисл. и публ. Н. Ашукина // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53/54. С. 383. О цензурных мытарствах Д. Е. Мина см.: Горохова Р. М. «Ад» Данте в переводе Д. Е. Мина и царская цензура // Русско-европейские литературные связи. М.; Л.: Наука, 1966. С. 48–54.

²¹ Мин Д. Предисловие // Москвитянин. 1852. Т. 2. Кн. 1. № 3, отд. 1. С. 4.

²² Цит. по: Бэлза С. Брюсов и Данте // Данте и славяне. М.: Наука, 1965. С. 85; См. также: Бэлза СИ. Образ Данте у русских поэтов // Дантовские чтения. М.: Наука, 1968. С. 169–186.

²³ Лозинский М. Л. К переводу Дантова «Ада» // Литературный современник. 1938. № 3. С. 98.

лея украсили одно из парижских изданий поэмы. Великолепием и добротностью они изумили ценителей и принесли огромный успех художнику. Вольф завязал деловые отношения с его импресарио месье Мамом, купил право публикации рисунков Доре и заказал перевод «Комедии» популярному в 60-е годы поэту Д. Д. Минаеву.

Минаев переводил Данте по подстрочнику. Сначала он взялся за срочную работу с большим энтузиазмом, но затем непредвиденные и продолжительные антракты стали возникать в его занятиях все чаще и чаще. Случалось, взволнованный издатель посылал людей на розыски переводчика, те искали по всей столице и, наконец, снова возвращали подгулявшего поэта к рукописи. Чтобы не отвлекаться от принятых обязательств, совестливый Минаев просил приятелей подвергать его «одионому заключению».

В 1874 г. он завершил «Ад», но из-за «еретических» картин в этой части поэмы возникли осложнения с цензурным разрешением на ее публикацию. После многочисленных прошений издателей обер-прокурор Святейшего синода ДА. Толстой дал им указание представить записку о том, что в своем сочинении Данте воспроизводит средневековые легенды. Записку составили, последовало обещанное разрешение, но с условием, что книга будет достаточно дорога и окажется недоступной для массового читателя. И все же, несмотря на высокую цену, подписчиков нашлось немало. Подписывались столичные интеллигенты и провинциальные купцы, публичные библиотеки, какой-то отдаленный монастырь и даже «Крестьянское общество деревни Суха»²⁴.

Вольфовское издание «Комедии», законченное в 1879 г., разошлось довольно широко, но перевод Минаева мог удовлетворить только самых нетребовательных читателей. Подобного мнения придерживались Брюсов, сведущие критики и авторитетные дантологи. Стих переводчика тяжел, а культура весьма ограничена, писал, например, И. Н. Голенищев-Кутузов, в начале минаевского перевода терцины еще кое-как, хромая, идут друг за другом, однако чем дальше, тем перевод становится беспорядочней и хуже.

Интерес к дантовской поэме достиг апогея на рубеже веков. Добротный стихотворный русский текст «Комедии» напечатал ученик Ф. Буслаева Н. Голованов, прозой ее переложил журналист В. Чуйко, опубликовали свои переводы поэтесса О. Чюмина и безвестный дотоле А. Фёдоров. Его вирши настолько нелепы, что невольно вспоминаешь желчные слова Дж. Вазари об одном самонадеянном профане: «... не кажется ли вам, что он еретик, потому что, будучи неграмотным и едва умея читать, он толкует Данте и упоминает его имя все»²⁵. Незадачливый опус Фёдорова М. Лозинский заслуженно назвал литературным курьезом.

Сложный и драматический мир «Божественной комедии», откликаясь на разный социальный и духовный опыт, порождал самые различные представления о творце великой поэмы. В восприятии читателей Данте был суровым гражданином и певцом справедливости, схоластом и загадочным мистиком, летописцем Средних веков, мудрейшим мыслителем и при этом – высочайшим поэтом. Его гением восхищались Г. Плеханов и Н. Минский, М. Кузмин и К. Бальмонт, М. Волошин и Н. Гумилёв...

Плеханов обладал небольшой, но любопытной коллекцией изданий дантовской поэмы. В его собрании «Ад» представлен переложением Е. Кологривовой и вольным переводом А. де Ривароля, заслужившим некогда похвальный отзыв влиятельного критика Ш. Сент-Бёва. Французский текст всех частей «Комедии», имеющийся в библиотеке, принадлежит романтику Ф. де Ламене, а венчает коллекцию очень ценное флорентийское издание поэмы 1907 г. с обстоятельными комментариями П. Фратичелли, превосходно подготовившего полвека назад публикацию «Малых произведений» поэта.

²⁴ Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1916. С. 214–218.

²⁵ Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Искусство, 1963. С. 531.

Особое внимание проявляли к «Божественной комедии» символисты, а Брюсов и в стихах писал о многолетнем увлечении Данте:

Давно пленил мое воображение
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье...

В сентябре 1905 г. С. А. Венгеров, выступая уполномоченным издательства «Брокгауз и Ефрон», предложил Брюсову перевести «Комедию». Тот с готовностью откликнулся на предложение и, готовясь к работе, сформулировал задачи перевода.

1. Сохранить поэзию подлинника.
2. Воссоздать стиль Данте.
3. Избегать дополнений, ради стиха допускать лишь перефразировки, соблюдать звукопись Данте²⁶.

Продумывая план, поэт стремился предупредить огрехи, которых не избежал и Д. Мин. Для перевода Брюсов выбрал миланское издание поэмы 1903 г., подготовленное известным швейцарским дантологом Дж. Скартаццини в сотрудничестве с профессором Дж. Ванделли. В распоряжении поэта имелись и французские тексты «Комедии» А. де Монтора, Э. Ару и А. Мелио. Наконец, Брюсов обзавелся словарем дантовских рифм Л. Поллако и двухтомной «Enciclopedia Dantesca». Рекогносцировка перевода велась по-брюсовски.

К сожалению, по вине издательства тщательные приуготовления оказались почти напрасными. В архиве поэта обнаружены лишь переводы первой песни с комментариями и вступительной статьей, нескольких терцин третьей и отрывков пятой песен «Ада».

После разрыва соглашения с издательством Брюсов не хотел оставлять начатых трудов и договаривался о переводе с В. И. Ивановым. Он брался перевести «Ад», Иванов – «Чистилище» и «Рай». В «Переписке из двух углов» (1921) есть строки, косвенно свидетельствующие об этой договоренности. М. О. Гершензон обращается к Иванову: «Теперь я пишу при вас, пока вы в тихом раздумье силитесь мыслью разгладить вековые складки Дантовских терцин, чтобы затем, глядя на образец, лепить в русском стихе их подобие... А после обеда мы ляжем каждый на свою кровать, вы с листом, я с маленькой книжкой в кожаном переплете, и вы станете читать мне ваш перевод «Чистилища» – плод утреннего труда, а я буду сверять и спорить»²⁷. Через шестьдесят лет первая песнь «Чистилища» в переводе Иванова была опубликована в «Oxford Slavonic Papers»²⁸.

На рубеже веков в печати довольно часто появлялись переводы отдельных песен «Комедии» Элліса (Л. Л. Кобылинского), активного деятеля русского символизма. Он занимался и специальными исследованиями поэмы, разрабатывая, преимущественно, религиозно-мистические темы. «Для Данте, – заявлял Элліс, – путь по загробным мирам не был никогда мифотворчеством, а аллегорически-символическим описанием реальных видений, описанием, подобным большинству сообщений ясновидцев и боговидцев его эпохи»²⁹. Такие соображения высказывались и раньше, незадолго до Элліса теософские комментарии к дантовским сочинениям публиковались переводчицей «Пира» Кэтрин Хилард в лондонском журнале «Люцифер» (1893).

²⁶ См.: Бэлза С. Брюсов и Данте. С. 85. См. также: Гиндин С. И. Из неопубликованных дантовских материалов Вал. Брюсова // Италия и славянский мир. Советско-итальянский симпозиум: Сб. тезисов. М.: Институт славяноведения АН СССР, 1990. С. 85–90.

²⁷ Иванов Вяч., Гершензон М. О. Переписка из двух углов. Пб.: Алконост, 1921. С. 14.

²⁸ См.: Davidson P. Vyacheslav Ivanov's. Translation of Dante // Oxford Slavonic papers. Oxford, 1982. Vol. 15. P. 128–129.

²⁹ Элліс. Vigilimus. М.: Мускетер, 1914. С. 20.

Уже в эмиграции, почти перед смертью, солидный опус о творчестве Данте издал в Париже Д. С. Мережковский³⁰. Он старался учесть все лучшее в европейской дантологии и в работе над книгой использовал труды комментаторов от Джованни Боккаччо и Кристофоро Ландино до Микаэля Барби.

С восхищением относился к Данте К. Д. Бальмонт. Рассказывая об этом, его жена Е. А. Андреева-Бальмонт вспоминала, с каким воодушевлением он читал терцины «Комедии», обнажая красоту и силу дантовского стиля³¹. В 90-е годы Бальмонт перевел двухтомную «Историю итальянской литературы» А. Гаспари с лучшим для того времени очерком о Данте.

Среди почитателей поэта был и Александр Блок. В его записной книжке есть помета о покупке в 1901 г. «Божественной комедии» издания И. И. Глазунова. Книга пополнила шахматовскую библиотеку, которая, по существу, была «дачной» и не претендовала на полноту коллекции, отражающей многосторонние интересы ее владельца. Тем примечательнее в числе раритетов три тома поэмы. На обложке каждого автограф – «Александр Блок»³².

В 1918 г., в суровую пору Гражданской войны, красноармейцы в штабе 4-й армии отпечатали «Новую жизнь» Данте с введением и комментариями магистра романо-германской филологии, доцента Самарского университета М. И. Ливеровской. Видимо, эта книжка, сброшюрованная из серых листков оберточной бумаги, сразу ставшая библиографической редкостью, была подарена Блоку. На ее титуле Ливеровская написала: «Onorate l'altissimo poeta» (Dante. Inferno). Maria Liverovska. 12. X. 1920³³. – «Почтите высочайшего поэта». Так в Лимбе встретили пришествие Вергилия. Высочайшим поэтом явился миру и Данте. Его преемником на русской земле стал А. Блок.

В XX веке «Божественная комедия», не считая опыта О. Чюминой (1902), полностью была переведена на русский язык три раза. В 1938 г. М. Л. Лозинский на страницах «Литературного современника» опубликовал статью «К переводу Дантова „Ада“». «По грандиозности замысла, по архитектурной стройности его воплощения <...> по страстной силе своего лиризма, – писал он, – поэма Данте не знает себе равных среди европейских литератур <...> могучий индивидуализм Данте и несравненная выразительность созданных им образов сообщает такую силу его «тройственной поэме», что она остается и в наши дни живым созданием искусства»³⁴. Оценивая переводческие опыты предшествующего столетия, Лозинский полагал лучшим аналогом итальянского текста «Божественную комедию» Д. Мина, которая в полном объеме увидела свет уже после смерти автора: в 1902–1904 гг. «При всех своих достоинствах, – отмечал поэт, – перевод Мина не всегда в должной степени точен, а главное – он написан стихами, по которым трудно судить о поэтической мощи подлинника»³⁵. Последние слова Лозинского стали программой его собственного блистательного (А. Илюшин) перевода, где завораживающая красота терцин и метафорическая сила выражений всех трех кантик, законченных в 1945 г., свидетельствует о неподражаемом гении русского поэта. Немаловажную роль в искусстве версификации сыграла пушкинская традиция – Лозинский перевел «Комедию», созданную итальянским одиннадцатисложником, пятистопным ямбом, словно обручив Пушкина с Данте. В рисунке художественной образности для русого читателя нередко видится

³⁰ *Merejkowski Dm. Dante. Traduction de Jean Chuzeville. Paris: A. Michel, 1940.* См. также: *Додера Коста М.-Л.* О книге Мережковского «Данте» // *Д. С. Мережковский. Мысль и слово. Мат. междунар. науч. конф. Март, 1991. М.: Наследие, 1999. С. 82–88.*

³¹ См.: *От Шуи до Оксфорда: (Воспоминания Е. А. Бальмонт) / Публ. Е. А. Гаспаровой // Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Сов. Россия, 1984. С. 99.*

³² См.: *Журов П. А. Шахматовская библиотека Бекетовых-Блока / Публ. З. Г. Минц, С. С. Лесневского // Учен. записки Тарт. ун-та. Тр. по рус. и слав. филологии. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1975. Вып. 358. С. 408.* См. также: *Библиотека А. А. Блока: Описание / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Бовина; Под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984. Кн. 2. С. 256–257.*

³³ См.: *Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 1. С. 257.*

³⁴ *Лозинский М. Л. К переводу Дантова „Ада“ // Литературный современник. №3. Л.: ГИХЛ, 1938. С. 97.*

³⁵ Там же. С. 98.

пушкинская линия, но она столь органична, что не покушается на глубоко самобытное художественное мышление автора поэмы. И все же трудно отвлечься от впечатления, что «Комедия» Лозинского воистину оказывается «тройственной поэмой» – и не в силу своей трехчастности, – а именно потому, что в ней гению Данте сопутствует гений двух русских поэтов. Чтобы не раздражать читателя бездоказательными предположениями, приведем пример. В семнадцатой песне «Ада» автор рассказывает, как он, восседая вместе с Вергилием на хребте Гериона, символизирующем в поэме Обман, спускается в бездну восьмого круга Ада. Доставив седоков к цели, Герион тут же исчезает. Стихом, заканчивающим песню, завершается и этот опасный для путников эпизод. Сравним последнюю терцину плюс заключительный стих у четырех переводчиков XX века: Б. Зайцева, переведившего «Ад» ритмической прозой (1961), М. Лозинского (1939), А. Илюшина (полный перевод «Комедии» опубликован в 1995 г.) и В. Маранцмана (перевод издан в 2003 г.). Но вначале дантовский текст:

così ne puose al fondo Gerione
al piè al piè della tagliata rocca
e, discaricate le nostre persone,
si dileguo come da corda cocca (XVII, 133–136).

Вот переводы в порядке упоминания их авторов. Обратим внимание прежде всего на заключительный стих:

Б. Зайцев:

Так ссадил нас в глубине Герион,
У самого подножия рухнувшей скалы,
И освободившись от наших тел
Умчался, как стрела из лука.

М. Лозинский:

Так Герион осел на дно провала
Там, где крутая шла скала,
И, чуть с него обуза наша спала,
Взмыл и исчез, как с тетивы стрела.

А. Илюшин:

Так зверь, носящий имя Гериона,
На дно спустился; мы сошли без звука;
Как только сняла груз моя персона,
Прочь улетел он, как стрела из лука.

В. Маранцман:

Так Герион закончил свой полет,
Достигнув скал глубинных остановки,
Где нас сгрузил, и, вновь подняв живот,
Исчез, как в пропасти конец веревки.

На наш взгляд, стих Лозинского «Взмыл и исчез, как с тетивы стрела» наиболее выразительный и динамичный. Он эмблематичен для всей переводческой стратегии автора, у которого, как сказал бы Мандельштам, «единство света, звука и материи составляет ее внутреннюю природу»³⁶. Иного рода стратегия А. Илюшина. Он сознательно уходит от испытанного русской поэзией пятистопного ямба и в соответствии с оригиналом предпочитает ему женский силлабический одиннадцатисложник, так как русский одиннадцатисложник с женской клаузулой ближе итальянскому эндекасиллабу – размеру дантовского стиха. Выбор не вкусовой, а профессиональный. Стихovedы убеждены, что технику эквиметрического перевода Данте на русский язык определить непросто. «Ясно, что перевод должен охранить большую долю ямбических строк и стоп внутри неямбических. Переводчик должен усилить четвертый и шестой слоги, как это сделано в «„Божественной комедии“». В наиболее точном и в стиховом, и в лексическом плане переводе А. А. Илюшина эта задача решается средством микрополиметрии: русское ухо, привычное к сверхжесткой силлаботонике, слышит в пределах строки или строфы сочетание различных стоп или размеров»³⁷.

У Илюшина не только стиховая форма, но и языковая манера резко отличается от сурово-пленительных терцин Лозинского. «Здесь почти нет красоты слога, – пишет о своей работе Илюшин, – в том смысле, в каком она столь блистательно проявилась в тексте Лозинского. «Эстетизмам» нередко предпочитают «антиэстетизмы». Во имя чего? Все дело в том, что поэтическое слово Лозинского отточено, уверено в себе, с своей непогрешимо-исторической сочетаемостью с контекстом, неотразимым обаянием, стилистической уместности и пр. Такой эффект удастся тогда, когда мастер слова умело опирается на надежно выработанные и выверенные нормы литературного языка и поэтического вкуса – т. е. на то, на что никак не мог опереться сам Данте, будучи не столько наследником, сколько первооткрывателем поэтических сокровищ. У Лозинского – сформировавшееся, У Данте – формировавшееся»³⁸.

Перефразируя Т. Адорно, мы вправе думать, что ничто не наносит такого ущерба искусству прошлого, как его аналогии с настоящим. Своими переводами знаток Данте и русской силлабики А. А. Илюшин ведет катакомбную археологическую работу, результатом которой оказываются непредвиденные открытия. Их значительность, в том числе и художественно-эстетическая значимость, подтверждается высокой оценкой труда переводчика на родине Данте. В Италии он удостоен золотой медали Флоренции. Труд Илюшина – не только выдающееся событие русской или итальянской литературы, но и знак непреходящего торжества гуманитарных ценностей в трудно развивающемся человеческом сообществе.

Переводческая стратегия Б. К. Зайцева была иная. Он писал: «Предлагаемый перевод <...> сделан ритмической прозой строка в строку с подлинником. Форма эта избрана потому, что лучше передает дух и склад дантовского произведения, чем перевод терцинами, всегда уводящий далеко от подлинного текста, и придающий особый оттенок языку. Мне же как раз хотелось передать, по возможности, первоизданную простоту и строгость дантовской речи»³⁹. В предисловии к своему «Аду» Зайцев замечал: «Если попробовать рукой, на ощупь, то слова Данте благородно-шероховаты, как крупнозернистый мрамор или позеленевшая, в патине, бронза. Часто он темен, даже и непонятен. Но для него – так и надо. Это его стиль. В нем есть, ведь,

³⁶ Разговор о Данте // Слово и культура. Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 112. О творческой истории «дантовского» текста М. Л. Лозинского см.: *Лозинский СМ.* История одного перевода «Божественной Комедии» // Дантовские чтения. М.: Наука, 1989. С. 10–17.

³⁷ *Акимов М. В., Болотов С. Г.* Стих «Божественной Комедии» и проблема его адекватной передачи на русском языке // Славянский стих. Стих, язык, смысл. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 313.

³⁸ *Илюшин А. А.* Еще один разговор о Данте // Божественная комедия / Пер. с ит. А. А. Илюшина. М.: Изд-во филол. фак-та МГУ, 1995. С. 27.

³⁹ Цит. по: *Башмаков А. И., Башмаков М. И.* Голос почерка. СПб.: Петрополис, 2009. С. 114.

оракульское, пифическое»⁴⁰. Размышляя об интонации дантовских терцин, Зайцев отмечает: «Чтобы написать Ад, надо было «в озере своего сердца» собрать острую влагу скорби»⁴¹. Читатели это чувствуют. Один из них считает, что перевод Зайцева драматичнее, чем у Лозинского⁴².

Перевод бывшего профессора РГПУ В. Маранцмана иначе, как подвижничеством, вряд ли назовешь. Если А. Илюшин провоцировал путешествие вглубь человечности и средневековой культуры, то Маранцман ставил задачу расширить круг читателей Данте, максимально приблизив текст оригинала к читателю. Именно поэтому он пошел вслед за Лозинским, пытаясь стать проводником широкой аудитории к выдающемуся литературному памятнику. Отмечая ряд формальных упущений, например, немислимые для Данте неточные рифмы и etc., М. Гаспаров писал о высоком проценте точности перевода дантовской речи в процессе смыслообразования и современной лексики. По наблюдениям Гаспарова, обычно в переводах коэффициент точности колеблется между 50 и 55 %: из подлинника сохраняется около половины слов, остальные заменяются или утрачиваются. В переводе Лозинского первой песни «Ада» коэффициент точности составляет 74 %, вольности – 31 %, соответственно 73 % точности и 27 % вольности – для XXX песни «Ада». Почти такие же показатели у Маранцмана: 73 % и 31 % для первой песни «Ада», а для XXX песни – 79 % и 28 %⁴³. Иными словами, по точности перевод Маранцмана не уступает поэтически блистательному труду Лозинского, что внушает заслуженное уважение к автору нового перевода. Чем больше переводов, тем больше возможностей иметь Данте своим конфиденциальным собеседником. Читательская благодарность авторам переводов естественна и уместна.

⁴⁰ *Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад* / Перевод Б. Зайцева. Париж: YMCA-PRESS, 1961. С. 27.

⁴¹ Там же.

⁴² *Комолова Н. Л.* Работа Б. К. Зайцева над переводом «Ада» Данте // *Далекое, но близкое: Материалы литерат. чтений к 125-летию со дня рождения Бориса Зайцева*. М.: Стратегия, 2007. С. 22.

⁴³ *Гаспаров М. Л.* Рецензия // *Данте Алигьери. Божественная комедия* / Пер. с ит. В. Г. Маранцмана. М.: Классик Стиль, 2003. С. 1.

Глава 2. Данте и русский романтизм

На исходе третьего десятилетия нового века П. А. Катенин писал на страницах «Литературной газеты»: «Теперь понаслышке и древним назло много хвалят Данте, но мало читают...». В этом резком суждении все же больше признания вдруг выросшей популярности итальянского поэта, нежели справедливости мнения, что в эту пору в России Данте уже «знали», но не читали⁴⁴. Конечно, круг читателей «отцановой Италии» (Шатобриан) был гораздо уже, чем, скажем, Шиллера или Шекспира. За пределами Италии интерес к Данте и его «Комедии» еще только начинался. XVIII век не питал особого пристрастия к изучению и переводам дантовских творений, и лишь в XIX столетии их число стало быстро умножаться. К концу века насчитывалось около пятисот переводов «Божественной комедии». Ее можно было читать на французском и английском, немецком и армянском, голландском и еврейском, польском и португальском, шведском и румынском, санскрите и каталонском, словенском, чешском и русском языках. По уверению швейцарского дантолога Скартаццини, ни одно создание поэзии, ни одно произведение, даже Библия, не издавались в прошлом веке так часто, как поэма Данте⁴⁵.

Не случайно каталоги русских библиотек свидетельствуют о самом заинтересованном внимании наиболее культурной публики к творчеству гениального поэта. Так, среди книг П. Я. Чаадаева хранится три издания дантовской поэмы 1802, 1828 и 1829 гг. на английском, французском и параллельно на итальянском и французском языках⁴⁶.

В книжном собрании В. А. Жуковского несколько изданий «Божественной комедии» – на французском, немецком, итальянском и русском языках (пер. Е. В. Кологривовой). Одно из них, на итальянском языке 1807 г., купленное в 1813 г. в Веймаре, перешло поэту от К. Н. Батюшкова. На полях этой книги Жуковский сделал черновые наброски русского перевода первых восемнадцати строк поэмы⁴⁷. Трудно сказать, чем Данте особенно привлекал нашего поэта, но несомненно одно: Жуковского и творца «Божественной комедии» объединяла мысль, что реальный мир истинен, но не вечен и, следовательно, не содержит, а только отражает истину, которая пребывает в ином, интеллигибельном (умопостигаемом, мыслимом) мире. В библиотеке А. С. Пушкина среди четырех парижских изданий «Комедии» на итальянском и французском языках сохранились два первых тома (*L'Infer*, *Le Purgatoire*) поэмы, изданной на французском языке в 1596–1597 гг. На одном из экземпляров суперэкслибрис служит указанием, что этот «ветхий Данте» в прекрасном, тисненном золотом марокене, с золотым обрезом и гравированными титулами – переплет сделан в XVIII веке – принадлежал ранее графской библиотеке дома Бурбонов⁴⁸.

Переводы далеко не всегда могли достойно представить художественные достоинства «Комедии». «К сожалению, – замечал тот же Катенин, – трудно не знающему итальянского языка познакомиться с сими изящными красотами: так они обезображены в переводах. Произою перелагать Данте жалко; а стихами, тем паче соблюдая размер и мудреное сплетение под-

⁴⁴ О начальных сведениях русской публики XVIII в. о Данте и его поэме см.: *Алексеев М. П.* Первое знакомство с Данте в России: От классицизма к романтизму. М.: Наука, 1970. С. 6–62.

⁴⁵ *Скартаццини Дж.* Данте. СПб.: Общ-во вспоможения окончившим курс наук на СПб. высших курсах, 1905. С. 175. Б. К. Зайцев писал о Скартаццини: «великий знаток всего дантовского». См.: *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад/Перевод Б. Зайцева. Париж, 1961. С. 23.

⁴⁶ Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева / Гос. библ. им. В. И. Ленина. М., 1980. С. 47.

⁴⁷ См.: Библиотека В. А. Жуковского. Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1981. С. 130–131.

⁴⁸ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб.: Имп. Акад. наук, 1910. Вып. GX-X. С. 217–219.

линника, вряд ли примется терпеливо хоть один из нынешних стихотворцев»⁴⁹. Русский поэт судил о рифмах «переложения» поэмы по своему опыту, и его суждения касались не только соотечественников. «Легче одеть статую, чем перевести Данте», – говорил Байрон.

В конце 20-х – начале 30-х годов русская публика, знающая итальянский язык гораздо менее, чем французский, знакомилась с «Комедией» преимущественно в переводах Арто де Монтора (1772–1849) и Антони Дешана (1800–1869). Именно ими был представлен «французский Данте» самых поздних изданий в собраниях Жуковского и Пушкина. Об одном из этих французов АН. Тургенев оставил в своей «Хронике» характерную запись: «Арто, переводчик Данте и биограф Макиавеля. Он сам уверял меня, что перевод его Данта лучший на французском. Roger, Баланш и Рекамье читали его и уверяют, что он довольно верен, но плох»⁵⁰.

Однако не все русские читатели довольствовались несовершенными копиями; многие из тех, кто переводил поэму или писал о Данте, читали его в подлиннике. Например, Жуковский сообщал о только что почившем И. Козлове: «Знавши прежде совершенно французский и итальянский языки, он уже на одре болезни, лишенный зрения, выучился по-английски и по-немецки <...> он знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтера Скотта, лучшие места из Шекспира и главные места из Данта»⁵¹. Несколько раньше Бестужев-Марлинский уведомлял брата: «Занимаюсь плотно итальянским языком. Читаю Данта»⁵². В литературной и ученой среде итальянским владели А. А. Шаховской и С. Е. Раич, Н. А. Крылов и К. Н. Батюшков, С. П. Шевырёв и Н. А. Полевой, Д. Н. Блудов и Н. Н. Бахтин, А. С. Пушкин и Д. В. Дашков. Уже этот достаточно пестрый перечень имен позволяет думать, что в России первой трети нового века о Данте и его «Комедии» знали не только понаслышке. В эту пору суровый флорентинец заслонил собой Торкватто Тассо и стал в глазах образованного читателя олицетворением итальянской литературы, ее полномочным представителем. В этом отношении примечательно суждение И. М. Муравьева-Апостола: «Прочитай Данте на итальянском, Сервантеса на испанском, Шекспира на английском, Шиллера на немецком, тогда ты приобретешь некоторое право произносить над ними приговор»⁵³. Среди писателей, чьи имена стали представительным паролем той или иной западноевропейской литературы, несколько неожиданно, но заслуженно называется Данте.

Имя Данте мелькает и в частной переписке, и на страницах русской печати. Так, в 1811 г. К. Н. Батюшков пишет Н. Н. Гнедичу из деревни: «Я сию минуту читал Ариоста, дышал свежим воздухом Флоренции, наслаждался музыкальными звуками авзонийского языка и говорил с тенями Данта, Тасса и сладостного Петрарка...»⁵⁴. Любопытно, что недавно один весьма авторитетный дантолог высказал удивление, что Батюшков, «первый из русских поэтов, вполне овладевший итальянским языком, не подарил своего внимания Данте»⁵⁵. Но это не совсем так. В проспект переводов, который был выслан в 1817 г. Гнедичу, Батюшков включил «Божественную комедию», а кроме того – статью «О жизни Данте и его поэме»⁵⁶. Статья об итальянском поэте была давним замыслом Батюшкова. Еще раньше он сообщал тому же адресату, что не написал обещанной статьи, ибо был болен и не имел под рукой нужных книг⁵⁷. Видимо, только тяжкая душевная болезнь помешала Батюшкову приступить

⁴⁹ Катенин П. А. Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. С. 95.

⁵⁰ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.; Л.: Наука, 1964. С. 149.

⁵¹ Жуковский В. А. О стихотворениях И. И. Козлова // Современник. 1840. Т. 18. С. 87–88.

⁵² Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1958. С. 669.

⁵³ Сын Отечества. 1813. Ч. IX. № XIV. С. 228–229.

⁵⁴ Батюшков К. Н. Соч.: В 3 т. Т. 3. СПб.: Изд-во П. Н. Батюшкова, 1886. С. 165.

⁵⁵ Голенищев-Кутузов Н. И. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 465. Заметим, что первым из русских поэтов, в совершенстве знавших итальянский язык, был не Батюшков, а любимый им Кантемир.

⁵⁶ Батюшков К. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 423.

⁵⁷ Там же. С. 399.

к работе над переводом Данте и статьей или книгой о нем. Впрочем, некоторые из современников русского поэта уверяли, что обещанный перевод Данте все же был выполнен им, но он сжег его в минуту душевных мук и уже безумной ненависти к своему дарованию, когда неизлечимо больной навсегда возвращался на родину из-за границы⁵⁸. Насколько это показание соответствует истине, проверить невозможно, но мысль Батюшкова, пока была ясной, часто обращалась к Данте⁵⁹. В последние месяцы своей здоровой жизни он писал А. И. Тургеневу из Неаполя: «Вы читаете Данта, завидую вам»⁶⁰. «Данте, – полагал Батюшков, – великий поэт: он говорит памяти, глазам, уху, рассудку, воображению, сердцу»⁶¹.

Страстным почитателем сурового тосканца был «один из первых апостолов романтизма»⁶² Павел Катенин. «Боже! – восклицал он, – какой великий гений этот Данте! <...> вот истинно национальный поэт»⁶³. В устах Катенина, воителя за «народность» и самобытность отечественной словесности, замечание о национальном содержании дантовского творчества было равнозначно убеждению в романтическом характере «Божественной комедии». Это представляется еще более очевидным, если сопоставить утверждение Катенина, что в Италии «истинная поэзия родилась и исчезла с Данте»⁶⁴, с предшествующим ему суждением уже зрелого Пушкина: «В Италии, кроме Данте единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник»⁶⁵. Явное сходство этих соображений однако не означает зависимости Катенина от признанного и высокого авторитета.

Еще в 1822 г., формулируя принципиальные положения романтической эстетики, Катенин приводил в качестве примера ряд имен и среди них Данте. «Я вообще не терплю школ в словесности, – писал он, – их быть не должно. Всякий пиши сам по себе, как знаешь; всем один судья – потомство. Превосходные, образцовые писатели нигде не волокли за собою кучи ничтожных подражателей <...> Ни Данте, ни Тасс, ни Камюэнс, ни Сервантес, ни Шекспир, ни Расин, ни Мольер не предводительствовали полками пигмеев»⁶⁶. В этом перечне «образцовых писателей», ориентированном на защиту романтизма, имена Расина и Мольера могут вызвать понятное недоумение, но нужно помнить о неоднозначной литературной позиции «младшего архаиста», который «почтенную старину» зачастую противопоставлял «тощим мечтаниям» «самозванцев-романтиков» или карамзинистов. Например, главное достоинство библейских трагедий Расина «Эсфирь» и «Гофолия» он видел в национально-историческом колорите: в них, замечал Катенин, «нет ничего французского, все дышит древним Иерусалимом»⁶⁷.

Близкий к Катенину В. К. Кюхельбекер писал совершенно в духе своего единомышленника: «...у нас были и есть поэты (хотя их и немного) с воображением неробким, с словом немногословным, неразведенным водою благозвучных, пустых эпитетов. Не говорю уже о Державине! Не таков, например, в некоторых своих стихотворениях Катенин, которого баллады: Мстислав, Убийца, Наташа, Леший, еще только попытки, однако же (да не рас-

⁵⁸ Стурдза А. С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин, 1851. Ч. 6. № 21. С. 16.

⁵⁹ См. об этом: Пильщиков И. А. Из истории русско-итальянских связей (Батюшков, Петрарка, Данте) // Дантовские чтения. 1998. М.: Наука, 2000. С. 8–32; Пильщиков И. А. Батюшков и литература Италии. Филологические разыскания. М.: Языки славянской культуры: А. Кошелев, 2003.

⁶⁰ Тургенев А. И. Хроника русского... С. 222.

⁶¹ Батюшков К. Н. Соч. Архангельск: Сев. – Зап. кн. изд-во, 1971. С. 351.

⁶² Пушкин А. С. О сочинениях П. А. Катенина // Полн. собр. соч.: В 16 т. (Юбилейное). Т. XL М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. С. 220.

⁶³ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века. СПб.: Б.И., 1911. С. 118.

⁶⁴ Катенин П. А. Указ. соч. С. 100.

⁶⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. XIII. С. 184.

⁶⁶ Сын Отечества. 1822. № 13. С. 251.

⁶⁷ Литературная газета. 1830. № 7. С. 285.

сердятся наши весьма хладнокровные, весьма осторожные, весьма не романтические самозванцы-романтики!) по сию пору одни, может быть, во всей нашей словесности принадлежат поэзии романтической»⁶⁸.

В свою очередь Катенин сочувственно откликнулся на боевую статью Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824)⁶⁹. В статье автор, в частности, заявлял: «Но что такое поэзия романтическая? Она родилась в Провансе и воспитала Данта, который дал ей жизнь, силу и смелость, отважно сверг с себя иго рабского подражания римлянам, которые сами были единственно подражателями греков, и решился бороться с ними. Впоследствии в Европе всякую поэзию свободную, народную, стали называть романтической»⁷⁰. Вероятно, Катенин был совершенно согласен с такой концепцией романтизма, тем более что она восходит к положениям французского историка литературы Ж. Ш. Сисмонди, труды которого «*De la littérature du midi de l'Europe*» поэт знал и высоко ценил. В «Письме к издателю „Сына Отечества“» он упрекал Н. И. Греча в подмене истории литературы «послужными списками писателей» и наставлял: «Если б по примеру Женгене и Сисмонди вы показывали тесную связь жизни автора с его творениями и взаимное их влияние, это было бы весьма любопытно, но этого нет»⁷¹.

По свидетельству Пушкина, Катенин первый ввел в круг «возвышенной поэзии язык и предметы простонародные»⁷². Это соответствовало устремлениям архаистов-романтиков к литературному преобразованию, к утверждению национально-характерных «красок и форм». С другой стороны, несомненно важной для катенинской группы была мысль о том, что формы стихотворений замечательны, как писал Катенин, не собственно по себе, а по связи своей с содержанием: «...с изменением его должен измениться и наружный вид»⁷³. Такие эстетические воззрения подготовили благодатную почву для восприятия стиливого своеобразия художественной речи «Божественной комедии». По ее поводу Катенин писал: «О слоге судить прежде всего соотечественникам, но и тут, мне кажется, судили с неразумной строгостью; многие обветшалые слова и обороты могут быть, вопреки нынешнему употреблению, весьма хороши; язык Данте чудесно благороден и всеобъемлющ; на все высокое и низкое, страшное и нежное находит он приличнейшее выражение, и тем несравненно разнообразен; а для нас, северных, именно по вкусу, в нем нет еще той напевной приторной роскоши звуков, которую сами итальянцы напоследок в своих стихах заметили»⁷⁴. Верно уловив стиливые особенности «Комедии», Катенин стремился передать их в своем переводе трех песен поэмы⁷⁵. В 1829 г. он писал Н. И. Бахтину: «...обращаюсь к замечаниям Вашим на перевод второй и третьей песни „Ада“:

Я ни Эней, ни Павел, и в себе
Не зрю один достоинства чрез меру [Ад, II, 32–33].

⁶⁸ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. С. 493.

⁶⁹ См.: Письма П. А. Катенина... С. 73–74.

⁷⁰ Кюхельбекер В. К. Путешествие... С. 455–456.

⁷¹ Сын Отечества. 1822. Ч. 76, № 13. С. 252.

⁷² Пушкин А. С. Указ. соч. Т. XI. С. 220.

⁷³ Литературная газета. 1830. № 4. С. 31.

⁷⁴ Катенин П. А. Указ. соч. С. 94.

⁷⁵ См. об этом: Гардзонио С. Роль Катенина в становлении русского метрического эквивалента итальянского эндекасиллаба // *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze in russo*. Milano: Cisalpino-Gollardica, 1979. С. 159–171; Акимова М. В. «...Переводить Данте in rima terza... ужасно». История текста катенинских переводов «Inferno» // Дантовские чтения. 1998. М.: Наука, 2000. С. 33–70.

Переменить зрю на чту легко; но лучше ли будет? оба глагола равно к разговорному языку не принадлежат, и им одним переводить Данте нельзя и не должно; надо его искусно только смешивать с книжным и высоким, избегая скачков; не зрю мне кажется здесь живее, нежели чту или не мню»⁷⁶.

В свое время Ю. Н. Тынянов расценил переводы Катенина из Данте как «языковую неудачу». Он утверждал, что соединение крайних архаизмов с просторечием давало семантическую какофонию, приводящую к комизму⁷⁷. В качестве примеров Тынянов приводил 12, терцины из первой песни, 14, 23, 34, частично 16, 17, 44 и 45 – из третьей и некоторые стихи из фрагмента «Уголин». Нельзя не согласиться с исследователем, что цитируемые им стихи, кстати, слабейшие в катенинских переводах, провоцируют порой на пародию. Но как тут не вспомнить возражения Катенина Гречу, который осудил вариант октавы, предложенный поэтом в «Освобожденном Иерусалиме», сравнив его с гекзаметрами «Тилемахиды»: «Моя неудача, – отвечал Катенин, – ничего не доказывает, так же как неудача Тредьяковского в эксаметрах, которыми, однако, и вы и он (т. е. О. М. Сомов и Н. И. Греч. – А.А.) равно восхищаетесь под искусным пером»⁷⁸. Действительно, несмотря на отдельные промахи, «семантические провалы» и «словесные перенапряжения», на которые указывал Ю. Н. Тынянов, в целом работа Катенина оказалась стилистическим открытием «Ада» для русского языка. Ритм катенинских терцин был сразу же подхвачен Пушкиным («В начале жизни...»), который в статье о сочинениях поэта отмечал «мастерской перевод трех песен „Inferno“»⁷⁹, позднее А. Н. Майковым («Вихрь»), А. А. Блоком («Песнь Ада»), наконец в наше время стилистической системе Катенина следовал один из лучших переводчиков «Божественной комедии» М. Л. Лозинский. Таким образом, история перевода поэмы оправдывает опыты Катенина даже перед лицом такого авторитетного критика, каким был Ю. Тынянов.

П. А. Катенин явился одним из первых русских популяризаторов и комментаторов «Комедии». На страницах «Литературной газеты» он делился своими наблюдениями: «Первый известный Ад встречается в „Одиссее“. Место ему избрал Гомер на краю моря, на холодном Севере <...> При всей краткости и простоте сего Ада нельзя не признать живости изображения; это настоящий ад по понятию древних, мрачная обитель утративших солнце великих жен и мужей. Вергилий, по моему мнению, далеко отстал; у него сход в ад, уже подземный, в Италии <...> Вместо чудесного царства мертвых видим мы простой дом с разными приделками, потаенными ходами <...> Не знаю, страшно ли все это в самом деле, но в рассказе очень холодно и почти смешно.

Хотя Мильтон писал гораздо после Данте, но для сличения скажем здесь и об его Аде. Он решительно хуже всех: главнейшего в нем совсем нет – людей; черти же, несмотря на огненные вихри и прочие lieux communs, живут там преспокойно...

Данте определил место своего Ада с таким же тщанием и точностью, как Гомер. Во внутренности земного шара занимает он огромный конус, вниз обращенный и сходящийся в точку в самой сердцевине земли»⁸⁰. В этих рассуждениях подкупает стремление автора рассматривать литературное явление с исторической точки зрения, найти начало и продолжение складывающейся в веках традиции: «... собрав все занятое им у других, – отмечал Катенин, – Данте все сложил и своим дополнил»⁸¹. Закончив подробную топо- и космографию Ада, Чистилища и Рая, он продолжал: «В изумление приходишь, окинув взглядом сей огромный чер-

⁷⁶ Письма П. А. Катенина... С. 52.

⁷⁷ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 72.

⁷⁸ Сын Отечества. 1822. № 21. С. 30–31.

⁷⁹ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. XI. С. 220. Об особенностях освоения дантовского стиха в России XIX века см.: Серков СР. Строфой великого флорентийца. Русская терцина//Дантовские чтения. М.: Наука, 1989. С. 18–40.

⁸⁰ Катенин П. А. Указ. соч. С. 90–91.

⁸¹ Там же. С. 89.

теж»⁸². В своем комментарии к поэме Катенин нередко следовал за П.-Л. Женгене и Ж. Ш. Симонди, но некоторые из его замечаний отличаются оригинальностью и тонкостью наблюдений. Для входа в Ад, писал он, Данте прибегнул к аллегории, «и здесь она точно у места; она только могла склонить читателя к таинственной безотчетной вере в повествуемое сверхъестественное странствование живого человека под землею и в небесах; всякий другой вымысел, пробуждая сомнения и поверки рассудка, показался бы холоден и лжив»⁸³. Интерес к Данте никогда не оставлял поэта. Прожив полвека, он писал своему издателю и другу: «Флоренция, Данте <...> я любил их всегда <...> Можете ли для меня купить и привезти хорошее издание *Divina Comedia*, с изъяснениями?»⁸⁴

Страстное увлечение Данте, к которому Катенин чувствовал особую близость, вероятно, в силу своего стремления к простоте и энергии языка, «исторической народности» величавой поэзии и грубой красоте образов «Ада», самым неожиданным образом влияло на восприятие поэтом сочинений его современников. «Прочел у Пушкина „Полтаву“, – писал он, – вещь не без достоинства, но лучшие места не свои; тут и Данте, и Гёте, и Байрон...»⁸⁵ С другой стороны, приятель и родственник Катенина Кюхельбекер находил «дикие краски Данта» в катенинском стихотворении «Мстислав Мстиславич» (1819):

Вздохи тяжелые грудь воздымают;
Пот, с кровью смешанный, каплет с главы;
Жаждой и прахом уста засыхают...

«Превосходно!» – комментировал Кюхельбекер⁸⁶. Он, как и Катенин, «служил в дружине славян»⁸⁷. Романтизм начинался для него с Данте, но кумиром его был не Алигьери, а Шекспир. В 1824 г. Кюхельбекер писал в «Мнемозине»: «Не уровню Байрона Шекспиру: но Байрон об руку с Эсхилом, Дантом, Мильтоном, Державиным, Шиллером <...> перейдет несомненно в дальнейшее потомство»⁸⁸. По мнению Кюхельбекера, Байрон – «живописец нравственных ужасов, опустошенных душ <...> живописец душевного ада, наследник Данта, живописца ада вещественного»⁸⁹, в этом их различие, и в этом их типологическое сходство: как тот, так и другой знали непомерную глубину мрака; вместе с тем оба однообразны⁹⁰.

Интересно, что в критическом отношении к Байрону Кюхельбекер единоклубен с Катениным, обоим был чужд предельный субъективизм и односторонность английского барда⁹¹. Восприятие же Данте было у поэтов поначалу различным. «Буде кто в человеках заслуживает имя творца, то паче всех он»⁹², – говорил Катенин о Данте. Подобное представление о масштабе гения средневекового поэта пришло к Кюхельбекеру не сразу. Через десять лет после выступления на страницах «Мнемозины» он сочувственно цитирует Виктора Гюго: «Два соперничающие гения человечества, Гомер и Данте, сливаются воедино свой двойственный пламень,

⁸² Там же. С. 91. Ср.: «...единый план „Ада“ есть уже плод высокого гения» (Пушкин А. С. Заметки по поводу статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии» // Указ соч. Т. XI. С. 42).

⁸³ Катенин П. А. Указ. соч. С. 92.

⁸⁴ Письма П. А. Катенина... С. 239.

⁸⁵ Там же. С. 145.

⁸⁶ Кюхельбекер В. К. Путешествие... С. 437.

⁸⁷ Там же. С. 222.

⁸⁸ Там же. С. 467.

⁸⁹ Там же. С. 466.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Ср.: «Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1936. С. 53.

⁹² Катенин П. А. Указ. соч. С. 89.

и из сего пламени исторгается Шекспир»⁹³. Противопоставление как равных «исполина между исполинами» Гомера и Алигьери сейчас не вызывает у Кюхельбекера никакого возражения. Мало того, он согласен рассматривать последнего как предтечу истинного романтика, каким был в его представлении «огромный Шекспир».

Думается, что к Данте Кюхельбекер шел через осознание трагической судьбы флорентийского поэта, ибо она ассоциировалась с его собственной судьбой. Недаром этот узник Динабургской крепости, сообщая о своей новой поэме, в которой «частная, личная исповедь всего того, что <...> в пять лет <...> заточения волновало, утешало, мучило, обманывало, ссорило и мирило с самим собою»⁹⁴, называет вдохновителей своего труда и среди них указывает на изгнанника Флоренции: «Начал я, – пишет он, – нечто эпическое; это нечто, надеюсь, будет по крайней мере столько же оригинально в своем роде, как „Ижорский“. Оно в терцинах, в 10 книгах, 9 кончены, название „Давид“, руководители Тасс, отчасти Дант, но преимущественно Библия»⁹⁵. Если ветхозаветное повествование о царе Давиде послужило фабулой для поэмы, а «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо стал примером для организации и развертывания материала в эпическом сочинении, то обращение к Данте было прежде всего свидетельством гордого самосознания и стойкости духа поэта-декабриста. В этом убеждают и слова Байрона о Данте: «Он – поэт свободы. Гонения, изгнание, горесть от мысли, что будет погребен в чужой земле, ничто его не поколебало»⁹⁶. Именно своей суровой судьбе обязан Данте тому, что новая поэма русского революционера оказалась обрученной с его именем.

Не силою чудесной дарованья –
Злосчастьем равняюсь я с тобой⁹⁷, –

писал Кюхельбекер, имея в виду Данте.

Вместе с тем устремленность русского поэта к Алигьери не ограничивается этой аналогией. Она проявляется и в иных мотивах поэмы. Одни из них связаны с эпическим повествованием о подвигах и невзгодах Давида, другие – с чувствами и помыслами самого автора, с субъективным планом произведения, который развертывается в форме лирических отступлений повествователя. В эпическом плане проблематика поэмы сводится к замыслу вызвать «из тьмы веков, из алчных уст забвенья» имена тех вождей, жизнь которых может служить уроком мужества и самоотверженности для современников поэта. Это решение выражено в стихах первой книги «Давида» – «Преддверие»:

Опасный, трудный подвиг предприемлю:
Царя, певца, воителя пою;
Все три венца Давид, пастух счастливый,
Стяжал и собрал на главу свою⁹⁸.

Образ легендарного царя Давида был одним из любимых у декабристов и поэтов, близких к ним. Давиду посвящали свои стихи П. Катенин, Ф. Глинка, А. Грибоедов, Н. Гнедич. В стихотворении «Мир поэта» (1822) Катенин предвосхитил Кюхельбекера почти слово в слово:

⁹³ Кюхельбекер В. К. Путешествие... С. 311.

⁹⁴ Кюхельбекер В. К. Письмо А. С. Пушкину. 20.X. 1830. Динабург // Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит-ра, 1982. С. 241.

⁹⁵ Кюхельбекер В. К. Путешествие... С. 622.

⁹⁶ Цит. по: Эдвин Т. Заметки о лорде Байроне. СПб.: Б. и., 1835. С. 192.

⁹⁷ Кюхельбекер В. К. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Сов. писатель, 1967. С. 372.

⁹⁸ Там же.

Царь, пастырь, воин и певец,
Весь жизни цвет собрал в себе едином⁹⁹.

Повышенный интерес декабристов к этому библейскому персонажу объясняют стихи Ф. Н. Глинки:

Бог избрал кроткого Давида,
И дал он юному борцу
Свой дух, свое благословенье,
И повелел престать беде,
И скрылось смутное волнение;
Хвалилась милость на суде;

Не смел коварствовать лукавый,
И не страдал от сильных правый.
Закон, как крепкая стена,
Облек израильские грады,
Цвели покойно вертограды,
Лобзались мир и тишина.

В поэме Кюхельбекера эпическое повествование о Давиде ценно не только само по себе, но и своей способностью выделить психологические коллизии субъективного сюжета, где героем является сам автор произведения. Давно замечено, что вся огромная поэма «посвящена рассказу о преодолении Давидом разных бед, испытаний и невзгод; о победах же его говорится как бы мимоходом в нескольких строках»¹⁰⁰. Такой подбор эпизодов определен совершенно очевидным намерением Кюхельбекера соотнести свой трагический жребий с перипетиями жизни героя, о котором Данте, кстати, сказал: «И больше был, и меньше был царя»¹⁰¹. В этой психологической соотнесенности центрального персонажа с автором поэмы ничего особенного для романтика нет. Неожиданнее, когда поэт в раздумьях о себе обращается к творцу «Божественной комедии»:

Огромный сын безоблачной Тосканы,
При жизни злобой яростных врагов
В чужбину из отечества изгнанный,
По смерти удивление веков,
Нетленных лавров ветвями венчанный
Творец неувядаемых стихов!
И ты шагнул за жизни половину,
Тяжелый полдень над тобой горел;
Когда в земную ниспустишься средину,
Ты царство плача страшное узрел,
Рыданий, слез и скрежета долину,
Лишенный упования предел...¹⁰²

⁹⁹ Катенин П. А. Избр. произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 118.

¹⁰⁰ Королёва Н. В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Собр. соч. Т. I. С. 47. См. также: Илюшин Е. Ф. Данте в судьбах и поэзии декабристов // Дантовские чтения. М.: Наука, 2000. С. 71–77.

¹⁰¹ Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967 (Чистилище, X, 66). Далее все ссылки на это издание.

¹⁰² Кюхельбекер В. К. Избр. произв. Т. I. С. 372.

В этом тексте наряду с лаконичной характеристикой Данте легко заметить редуцированный пересказ «Комедии», в которой одна из строк чуть ли не дословно повторяет начальный стих «Ада». Почти с той же стиховой фразы начинается фрагмент, в котором Кюхельбекер уподобляет себя великому тосканцу:

Так я стою на жизненной вершине,
Так вижу пред собой могильный мрак:
К нему, к нему мне близиться отныне¹⁰³.

В период работы над поэмой (она написана в 1826–1829 гг.) автор «Давида» был сравнительно далек от того возраста, в котором Данте отправился в странствие по трем царствам потустороннего мира и который, по его мнению, соответствовал высшей точке восходящей и нисходящей дуги человеческой жизни¹⁰⁴. «Жизненная вершина» в сознании и поэме Кюхельбекера не столько хронологическая веха в биографии, сколько ее переломный момент. Впереди поэта ждали тягчайшие испытания. Уже испив из чаши страданий, он мыслил о себе терцинами Данте:

Суров и горек черствый хлеб изгнания,
Изгнанник иго тяжкое несет!
Не так ли я?¹⁰⁵

Позднее в стихотворении «Моей матери» (1832) он напишет:

Наступит оный вожденный день –
И радостью встрепещет от приветов
Святых, судьбой испытанных поэтов
В раю моя утешенная тень.
Великие, назвать посмею вас:
Тебя, о Дант, божественный изгнанник!
О узник, труженик бессмертный, Тасс.
Страдалец, Лузитании Гомер,
Вы образцы мои, вы мне пример,
Мне бед путем ко славе предлетели,
Я бед путем стремлюся к той же цели¹⁰⁶.

В эту пору, как и в период работы над поэмой, Кюхельбекер находил в себе силы противостоять обрушившимся на него несчастьям. «Вообще, я мало переменился, – сообщал он из Динабургской крепости Пушкину, – те же причуды, те же странности и чуть ли не тот же образ мыслей, что в Лицее!»¹⁰⁷ В сравнении с Данте и другими «судьбой испытанными поэтами» обнажалось не только inferнальное содержание его судьбы, но и героическое

¹⁰³ Кюхельбекер В. К. Избр. произв. Т. I. С. 372.

¹⁰⁴ «...трудно установить, – говорил Данте, – где находится высшая точка этой дуги; однако я полагаю, что для большинства людей она находится между тридцатым и сороковым годом жизни, и думаю, что у людей, от природы совершенных, она совпадает с тридцать пятым» (Пир, IV, XXIII, 9–10).

¹⁰⁵ Кюхельбекер В. К. Избр. произв. Т. I. С. 419.

¹⁰⁶ Кюхельбекер В. К. Путешествие. С. 211–212.

¹⁰⁷ Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. С. 242.

самостояние личности. В связи с этим важно обратить внимание на стихи поэмы, где Кюхельбекер уподобляет себя Сизифу, который

Не победит <...> судьбы всевластной;
Верх близок – взялся за него рукой –
Вдруг камень вниз из-под руки рокошет,
Сизиф глядит изнеможенный вслед,
Паденью бездна вторит, ад хохочет;
Но он, – он выше и трудов, и бед:
Нет, он покинуть подвига не хочет¹⁰⁸.

При таком самостоянии «путь бед» становился вместе с тем путем нравственных обретений, и поэт мог сказать о себе:

Изыду из купели возрождения,
Оставлю скорбь и грех на самом дне.
И в слух веков воздвигну песнопенья¹⁰⁹.

В этих стихах нельзя не расслышать мотива, характерного для «Божественной комедии» и связанного с общей идеей странствий ее героя. Ведь поэма Данте, что не раз отмечалось исследователями, огромная метафора: ад не только место, но и состояние, состояние душевных мук. Они и вырвали из уст Кюхельбекера отчаянное восклицание:

Мой боже, я ничтожный человек...¹¹⁰

Одной из причин нравственных терзаний поэта были, вероятно, его показания против И. И. Пущина, который 14 декабря 1825 г. якобы «побуждал» Кюхельбекера стрелять в великого князя Михаила Павловича. В апреле 1832 г. поэт предпринял неудачную попытку снять с товарища по несчастью это незаслуженное обвинение¹¹¹

¹⁰⁸ Кюхельбекер В. К. Избр. произв. Т. I. С. 420.

¹⁰⁹ Там же. С. 421.

¹¹⁰ Там же. С. 361.

¹¹¹ См. об этом: Кюхельбекер В. К. Избр. произв. Т. I. С. 653.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.